

Лейкин Николай Александрович

Голубчики

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Голубчики: Рассказы / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 208 с.

ISBN 978-5-519-92933-2

ISBN 978-5-519-92933-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

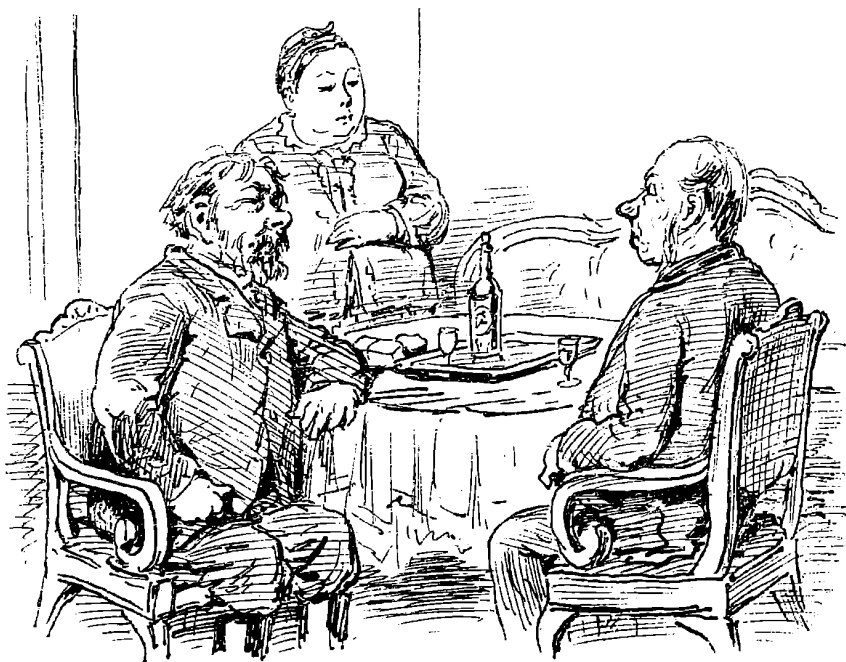
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДОКТОРЪ, КАКИХЪ КУПЦЫ ЛЮБЯТЪ.

Въ прихожей купеческаго дома раздался звонокъ. Маленькіе хозяйскіе ребятишки, выбѣгающіе на каждый звонокъ въ прихожую, заглянули и на сей разъ въ дверь изъ гостиной въ прихожую и, увидавъ, кто пришелъ, бросились прочь и забѣгали по комнатѣ, крича:

— Докторъ пріѣхалъ! Семень Иванычъ пріѣхалъ!

Глава семейства, хозяинъ дома Акинфъ Васильичъ, спалъ у себя въ кабинетѣ крѣпкимъ послѣобѣденнымъ сномъ. Жена принялась его будить.

— Вставай! Семень Иванычъ пріѣхалъ. Нехорошо... Надо же доктора встрѣтить.

— Докторъ? переспросилъ хозяинъ, вставая съ дивана и потягиваясь. — Вели откупорить бутылку мадеры.

Докторъ между тѣмъ уже сидѣлъ въ гостиной на креслѣ, подзываетъ къ себѣ нѣсколько пятящихся отъ него ребятишекъ и говоритъ:

— Ну, подходите сюда. Показывайте ваши языки. Не хотите? Упрямитесь? А я гостинца вамъ принесъ.

Онъ досталъ изъ кармана коробочку съ ячменными леденцами отъ кашля и открылъ у ней крышку. Докторъ былъ пожилой человѣкъ съ просѣдью въ волосахъ, съ крупнымъ красноватымъ носомъ луковичей на гладкобритомъ лицѣ, обрамленномъ маленькими чиновничьими бакенбардами, идущими отъ висковъ, и въ вицмундирномъ фракѣ.

Дѣти, завидя гостинцы, подошли къ доктору и стали показывать поочередно языки. Докторъ совалъ имъ за это въ ротъ по конфетинѣ. Вошли хозяинъ и хозяйка. Хозяинъ позѣвывалъ.

— Акинфъ Васильичъ, добраго здоровья! проговорилъ докторъ, поднимаясь съ мѣста.— Спали?

— Да... немножко послѣ обѣда... По православному обычаю...

— Какое немножко! Часа два съ половиной спить послѣ обѣда, заговорила хозяйка.— Я ужъ и то говорю, что при его толщинѣ...

— Да развѣ вредно это, Семенъ Иванычъ, чтобъ спать? Вѣдь день-то деньской бродишь, бродишь...

— А вы сколько, ужъ лѣтъ спите послѣ обѣда?

— Да лѣтъ пятнадцать...

— И ничего не чувствуете?

— Ничего... Все слава Богу...

— Ну, такъ и продолжайте спать, если нравится. Я самъ сплю съ часикъ.

— Думаю, что не вредно. Вотъ развѣ рука у меня по ночамъ ломить... То-есть, не то чтобы ломить, а какъ-то вздрагиваетъ и словно кто ее нажимаетъ, началъ хозяинъ.

— Вотъ, вотъ... Я ужъ и то ему муравьинымъ спиртомъ натирала.

Довзцснзур. С.Л.Б. 10го Октябръ 1889 г.

Лит. Р. Голине,

ДОКТОРЪ, КАКИХЪ КУЩЫ ЛЮБЯТЪ.

— Это, должно быть, надуло вамъ, а не отъ послѣбобѣденнаго сна, отвѣчалъ докторъ.—Покажите языкъ? Языкъ хорошъ.

— Вотъ тоже ѣсть много, и все жирное, продолжала хозяйка.

— Да вѣдь я съ водкой... отвѣчалъ хозяинъ.

— И водки много пьеть. До обѣда ходить изъ лавки по трактирамъ и рюмки три-четыре пьеть, да дома рюмки три выпьеть.

Докторъ взялъ хозяина за пульсъ, пошамкалъ губами и сказалъ:

— Ничего. Я самъ пью... Пульсъ хорошъ.

— Такъ пить три рюмки-то не вредно?

— Пейте. Вашъ организмъ уже привыкъ. А только вотъ я вамъ дамъ пакетикъ изъ травъ для настоя. Прелестный настой. Я всегда его и самъ пью. Нарочно заѣхалъ, чтобы вамъ передать.

Докторъ полѣзъ въ карманъ фрака и досталъ пакетикъ.

— Очень вамъ благодаренъ, Семенъ Ивановичъ, проговорилъ хозяинъ. — Ну, а насчетъ руки-то? Мазать муравьинымъ спиртомъ?

— Можете, это хорошо. Я самъ всегда муравьинымъ спиртомъ...

— Въ банѣ, на полкѣ, я думая, еще лучше?

— Въ банѣ прелестно. Такъ вотъ велите настоять этими травами водку. Тутъ аккуратъ на четверть.

— Это, Семенъ Ивановичъ, крѣпительная или слабительная?

— Больше крѣпительная, чѣмъ слабительная. Впрочемъ, настой этотъ вообще урегулировываетъ желудокъ. Я вамъ, пожалуй, дамъ и пакетикъ слабительнаго настоя.

Докторъ полѣзъ въ карманъ, досталъ пакетикъ, посмотрѣлъ на надпись и сказалъ:

— Вотъ это будетъ слабительный настой. То-есть, не то чтобы онъ былъ слабительный, а скорѣй кровоочистительный. Вы вотъ что дѣлайте... Вы пейте попеременно... Первую рюмку того настоя, а вторую этого. Я самъ такъ дѣлаю.

— А третью рюмку можно пополамъ того и другого?

— Можно.

— Очень вамъ благодаренъ, Семень Ивановичъ. А то, знаете, безъ лѣкарства въ домѣ даже и нельзя. Сколько я вамъ долженъ, Семень Ивановичъ, за эти настой?

— О, пустяки! Вздорь... Сочтемся. На овсѣ сочтемся. Я тамъ у васъ въ лабазѣ овесъ забираю и разныя разности для дома.

— Да, да...

— Ну, такъ вотъ... Я годъ у васъ забираю и годъ у васъ лѣчу, а потомъ сочтемся.

— Очень пріятно... Это для насъ даже лучше. Мадерцы, Семень Ивановичъ, не хотите ли?

— Пожалуй... Мадера такой напитокъ, что ее всегда можно...

Въ дверяхъ показалась горничная съ бутылкой мадеры и съ рюмками.

— Ну, а ваше здоровье какъ, сударыня? спросилъ докторъ хозяйку.

— Ничего... Да вотъ все животъ...

— То-есть что животъ? Болить онъ у васъ, что ли?

— Нѣтъ, не то чтобы болѣлъ. Боли нѣтъ... А растеть. Ужасно тяжело съ такимъ животомъ... Я вотъ все думаю, ужь не водянка ли у меня?

— Пустяки. Это просто избытокъ здоровья. У меня тоже вотъ животъ... А у васъ, знаете, и то вліяетъ: сколько у васъ было дѣтей!

— Да ужь очень онъ растеть сильно. Некрасиво.

— Моціону надо больше. Покажите языкъ? Языкъ хорошъ.

— Вы мадерки-то выкушайте, Семень Ивановичъ, предложила хозяйка.

— Я выпью. Ваше здоровье, сказалъ докторъ, чокаясь съ хозяиномъ.

— Ну, какъ, докторъ, насчетъ холеры? спросилъ тотъ.

— Да что! Вздорь... Я думаю, она тамъ за границей и застрянетъ, а если сюда явится, то явится уже не въ азіатской формѣ, а въ формѣ холерыны.

— А это не опасно? Еще рюмочку.

— Мадера прекрасная... Можно и еще... Нѣтъ, съ настоемъ номеръ первый, такъ даже и совсѣмъ не опасно. Какъ что почувствуете—сейчасъ поналягте на настой номеръ первый.

— Всенепремѣнно, Семенъ Ивановичъ. Еще рюмочку.

— На дорожку можно. Да и прощайте... Хорошая мадера.

— Я вамъ, Семенъ Ивановичъ, пришлю пятокъ бутылокъ на пробу.

— Пришлите. Потомъ сочтемся. Будетъ счетъ отъ васъ, будетъ счетъ отъ меня, вотъ мы и помараемъ ихъ квитъ на квитъ. Ну, ребятишекъ я осматрѣлъ. Ребятишки здоровы.

— Петенька немного кашляетъ.

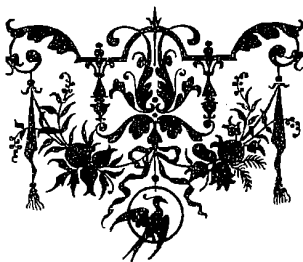
— А вотъ я оставлю ему эту коробку съ леденцами. Отлично. Приказчики здоровы?

— Что имъ дѣлается! Только ѣдать неудержимо, отвѣчалъ хозяинъ.

— Ну, такъ прощайте. Если что съ кѣмъ изъ приказчиковъ случится, то пришлите его ко мнѣ. Я пропишу.

Докторъ взялъ шляпу и сталъ уходить.

— Что за прекрасный докторъ этотъ Семенъ Ивановичъ! восклицалъ хозяинъ послѣ ухода доктора и нюхалъ пакетики съ травами.

ДОКТОРЪ, КАКИХЪ ЛЮБЯТЪ ТОННЫЯ ДАМЫ.

Время—пятый часъ въ исходѣ. Стемнѣло и уже давно зажгли на улицѣ фонари. Въ прихожей дѣйствительнаго статскаго совѣтника Человѣкова раздался электрическій звонокъ. Лакей, накрывавшій въ столовой на столъ, бросился отворять дверь. Въ дверяхъ показался швейцаръ и передалъ лакею объемистый портфель. За швейцаромъ шелъ пожилой мужчина съ просѣдью въ бородѣ, съ пробритымъ подбородкомъ—самъ хозяинъ дома «статскій генераль» Человѣковъ. Онъ казался утомленнымъ. Лицо его было нахмурено.

— Генеральша уже у себя? спросилъ онъ лакея, сбрасывая ему на руки пальто.

— Съ полчаса какъ уже пріѣхали.

— Отнеси портфель въ кабинетъ.

Человѣковъ направился къ себѣ въ кабинетъ. Онъ былъ въ вицмундирномъ фракѣ и со звѣздой.

— Никогда ты во-время не освѣтишь моего кабинета!

раздраженно крикнулъ онъ лакею. — Зажги скорѣй лампу и прими съ меня вицмундиръ.

Лампа зажжена, вицмундиръ снятъ.

— Что жъ ты мнѣ подаешь! Ты мнѣ подаешь сертукъ! продолжалъ Человѣковъ. — Ты знаешь, что я всегда въ жакетѣ обѣдаю.

— Что это вы тутъ командуете! Пришли и ужъ воюете! раздался женскій голосъ и въ кабинетъ вплыла сухощавая и сильно накрашенная пожилая дама въ темномъ шелковомъ платьѣ—жена Человѣкова.

— Да какъ же не командовать-то? Человѣкъ годъ живетъ у насъ и никакого порядка не знаетъ, понизилъ тонъ Человѣковъ. — Мнѣ нужно переодѣться къ обѣду, у насъ никого нѣтъ сегодня постороннихъ, и вдругъ онъ мнѣ подаетъ сертукъ вмѣсто жакета. Это всякаго разсердить можетъ.

— А кто виноватъ, что у насъ такіе люди? Вы... вы ихъ распустили. Сегодня я выхожу отъ мадамъ Габуриной, а кучера нѣтъ. Швейцаръ бѣгаетъ, ищетъ, а его нѣтъ. А я на подвѣздѣ стою. Черезъ четверть часа нашли около портерной. Пиво пилъ.

— А вотъ послѣ обѣда я призову его и задамъ ему головомойку, сказалъ Человѣковъ.

— Вы себѣ прежде задайте головомойку, перебила его супруга. — Послушайте, — скоро ли, наконецъ, у насъ будетъ новый кучерской кафтанъ? Вѣдь ѣздить въ такихъ отрепьяхъ, въ какихъ мы ѣздимъ, просто совѣстно. Не говоря уже, что онъ вылинялъ—у него на рукавѣ заплата.

— Да, да... Кафтанъ у кучера, дѣйствительно, не совсѣмъ хорошъ, но вотъ видишь ли, другъ мой, насчетъ кафтана надо немного подождать... Къ празднику и такъ массу денегъ нужно.

— Это, вѣрно, чтобы Евгеніи Николаевны долги заплатить и хорошій сюрпризъ ей на елку сдѣлать! уязвила супруга.

— Какой Евгеніи Николаевнѣ?

— Пожалуйста, пожалуйста. Не дѣлайте такихъ удивленныхъ глазъ. Меня не испугаете. И такъ, слушайте: чтобъ на этой недѣлѣ непременно былъ новый кафтанъ у кучера. Это

безъ возраженій. Ахъ, да... Ложу на «Евгенія Онѣгина» привезли?

Человѣковъ весь съежился и изъ крупнаго человѣка превратился въ какого-то маленькаго.

— Душечка, прости, заговорилъ онъ.—Некогда было послать. Курьеръ нашъ былъ до того занятъ, что я даже и не видалъ его. Онъ цѣлый день въ разѣздахъ...

— Прекрасно... проговорила мадамъ Человѣкова и губы ея затряслись.

— Вотъ видишь ли, ангелъ мой, я говорилъ даже нашему экзекутору, чтобъ онъ послалъ въ театръ, но...

— Не оправдывайтесь... Вы... Я не знаю, чѣмъ у васъ голова набита! Вы—дуракъ.

— Другъ мой! Если бы ѣхать самому, но вѣдь лошадей я тебѣ отдалъ...

— Вы мерзавецъ! взвизгнула мадамъ Человѣкова и вдругъ, застонавъ, опустилась въ кресло.—Ахъ, ахъ! Ой, ой! Охъ, охъ! раздавались вопли изъ ея груди.

— Душечка! Что съ тобой? бросился къ ней Человѣковъ, но раздалась пощечина.

Онъ выскочилъ въ другую комнату и сталъ звонить. Явилась горничная.

— Съ генеральшей дурно, сказалъ онъ, посылая въ кабинетъ горничную, а самъ схватился за голову и началъ ходить большими шагами по комнатѣ, смежной съ кабинетомъ.

Вода, одеколонъ, нашатырный спиртъ, гофманскія капли—все было пущено въ ходъ. Вскорѣ изъ кабинета вышла горничная и сказала, что барыня проситъ послать за докторомъ.

— Степанъ! Поѣзжай за докторомъ! крикнулъ Человѣковъ лакею.

— За докторомъ Стукачевымъ? спросилъ тотъ.

— Нѣтъ, поѣзжай за барынинымъ докторомъ.

Барыню перевели въ будуаръ. Она стонала и охала. Явился докторъ. Это былъ среднихъ лѣтъ блондинъ съ холенными длинными бакенбардами, съ голубыми глазами. Одѣтъ онъ былъ